

УДК 32.001:001

Г. М. Бровка¹, С. В. Решетников², М. А. Ермолицкий³¹канд. пед. наук, доц., декан факультета технологий управления и гуманитаризации
Белорусского национального технического университета²д-р полит. наук, проф., проф. каф. политологииБелорусского государственного университета,
заслуженный работник образования Республики Беларусь³канд. филос. наук, доц., доц. каф. истории белорусской государственности

Белорусского национального технического университета

e-mail: ¹gbrovka@bntu; ²polit_bsu@mail.ru; ³m.ermol.1956@gmail.com

О КОНЦЕПТЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА

Рассматриваются современные подходы к трактовке термина «политика» в разных языках и философских школах. Отмечается, что все имеющиеся подходы к определению политической триады следует классифицировать с помощью таких критериев, как познание (цель, интерес, предмет познания), статус (логический, нормативный, социологический) и методика (деятельность ученого, виды анализа (подходы), способ переработки данных, техника исследования). Все рассмотренные теории имеют свои особенности: например, диалектики выстраивают свою теорию на основе «тотальности» (или всеобщности) общественной действительности, а нормативисты имеют тенденцию к вытеснению реального предмета исследований. Однако изучение каждой из них позволяет определить сущность политологического «триаса», который используется при анализе третьего измерения политики.

Введение

Ожидаемыми результатами исследования является приращение знания в области систематизации и топологизации науки о политике. Сразу оговоримся, что рамки статьи не позволяют нам изложить вопрос об определении понятия политики, тем более что эта задача решается в любом учебнике по политологии. Решалась она и одним из авторов данной статьи [1, с. 11–13]. Вместе с тем имеет смысл еще раз обратить внимание на то, что во всех языках мира феномен политики обозначается одним словом – «политика». Разумеется, в китайском, арабском и других языках имеются свои аутентичные слова, которые невероятным образом имеют общую этимологию, – «весло, с помощью которого управляется лодка», но которые все равно переводятся на русский язык как «политика». Итак, на всех языках, кроме английского, феномен политики отражается одним словом – «политика». Но этого явно недостаточно для такого многомерного явления. Этот «недостаток» вполне преодолен в английском языке, в котором есть три слова, отражающих три главных измерения феномена политики: «polity» (формальное измерение политики), «policy» (содержательное измерение политики) и «politics» (процессуальное измерение политики) [1, с. 21–25]. Этот факт все больше осваивается в русскоязычной литературе. Но, во-первых, это началось сравнительно недавно, примерно с 1994 г., а во-вторых, никаких далеко идущих и заслуживающих внимания выводов из этого, к сожалению, не сделано. Поясним свою мысль в более широком контексте.

В 1973 г. директор Института изучения общества Общества Макса Планка (впоследствии знаменитый не только в Германии, но и в Европе и мире) Фритц Шарпф обратил внимание на то, что в английском языке для обозначения политики есть два термина – «policy» и «politics». В 1978 г. немецкий политолог, впоследствии ректор Эссенского университета Карл Рёз к «обнаруженным» двум добавил еще и третье измерение – «polity», в результате чего картина треугольника обрела законченный вид [2, с. 36]. Эффект этих нововведений в немецкой политической науке оказался исключительно сильным, потому что был поставлен вопрос: а что детерминирует что? «Policy» – «polity»

и «politics». Или наоборот? Это был вопрос о зависимых и независимых переменных, но, самое главное, эта терминология открыла дорогу для развития нового важного научного направления – «Policy-Analyse».

Для обозначения этой терминологии был введен специальный термин – «политологический треугольник», или «политологический триас». Воздействие этого концепта оказалось столь сильным, что породило в качестве одного из вариантов новое, отчасти ироническое (в адрес «некоторых» недостаточно богатых политико-научной терминологией языков) и оригинальное определение политики: «Политика есть осуществление политики – policy – с помощью политики – politics – на основе политики – polity» [2, с. 67]. Высокой оценкой значимости концепта «политологического треугольника» являются слова одного из лучших, если не лучшего современного политолога Манфреда Густава Шмидта: «Наилучшей политологией является та, которая учитывает вопросы институционального порядка, идейно-исторических основ, процессы конфликта, консенсуса и завоевания власти, а также субстанцию политических решений» [3, с. 139].

Своеобразным «венцом» признания значимости концепта «политологического треугольника» на данный момент явилось появление в 2005 г. первого «введения в науку о политике», структура которого основана на идее данного треугольника [4, с. 23]. Не без ностальгии отметим, что эта идея была впервые предложена в 1994 г. одним из авторов данной работы, но, к счастью, она не была реализована.

Идею «политологического треугольника» мы включаем в качестве первого из трех измерений нашего «3D*3» – концепта политики. Вторым измерением (вторым «D») станет триада основных политико-логических школ, основательно разработанная в науке о политике учеными Федеративной Республики Германии. Внимательный читатель увидит ее генетическое родство с американским вариантом «аристотелевской и платоновско-галилеевской традиций political science». Но, во-первых, идея этого, как его называют, «Нарровского триаса» [5, с. 3–4] была впервые разработана в ФРГ В.-Д. Нарром и К. фон Байме. Во-вторых, она звучит скорее дефинитивно, а не номинативно, как в американском варианте.

В научной литературе в 2010 г. было применено понятие «3P's» для обозначения английских выражений «polity», «policy», «politics». А. Гросслер предположил, что выражение «3P's» упрощает понимание трех измерений понятия «политики» [6, с. 3–385]. Это дало нам основание пойти дальше и включить еще два измерения, содержащих аспекты политической теории и политической системы. Результатом этого и стала формула «3D*3», т. е. по три измерения с тремя элементами в трех основных понятиях: «политика», «политическая теория», «политическая система». Это выражение автоматически приобретает топический характер (от слова топика – *topos*, от греч. 'место'). Эта созданная Аристотелем аргументация упрощает понимание и позволяет быстрее ориентироваться в среде разных понятий, вследствие чего топический метод, полагаем, имеет положительный дидактический эффект.

Мы также применили понятие «концепт». Слово «концепция» в переводе с латыни означает 'зачатие'. Значение понятия «концепт» стало расти вместе с «лингвистическим поворотом» в философии. Ключевым моментом этого поворота стало обращение к «семантическому треугольнику» Г. Фреге [7, с. 5]. «Концепт» – это больше, чем «понятие», хотя и переводится также как «понятие». Понятия рождаются из синтеза терминов «слово», «реальность» и «значение», а «концепт», соответственно, из «понятие», «референция», «значение» [8, с. 38–40]. «Концепт» в отличие от более статичного «понятия» более динамичен, дает больше возможностей для охвата родственных понятий и в этом смысле также имеет топический характер. В настоящее время создается новое научное направление – концептология [9, с. 18–41].

Развивая идею дальше, следует поставить вопрос: есть ли возможность найти некую результирующую этих трех измерений? На наш взгляд, такая возможность существует и связана с развитием того, что называют «policy science», «policy study», «policy analysis», «policy public» в английском языке и «Politikfeldanalyse» и «Politische Wissenschaft» – в немецком. Специального русскоязычного выражения для этой области знания не существует, как не существует де-факто соответствующего научного направления политической науки, но именно с ним связывается наибольший прогресс в развитии политического знания и, что еще важнее, практическая польза науки о политике.

Тщательная разработка этой триады включает, прежде всего, выделение критериев для классификации данных теорий. В наиболее полной версии, разработанной К.-О. Хондрихом [10, с. 131] и У. фон Алеманном, к этим критериям относятся: познание (цель познания, интерес познания, предмет познания), статус (логический, нормативный, социологический) и методика (деятельность ученого, виды анализа (подходы), способ переработки данных, техника исследования). На этой основе анализируются три самых распространенных типа теории политики: нормативно-онтологический, эмпирико-аналитический, критико-диалектический. Попытки оспорить правомерность подобной классификации предпринимались, но в основном не были приняты.

Частичный анализ этих теорий был уже предложен одним из авторов – М. А. Ермолицким. Поскольку он не был принят отечественной политологией, мы здесь его немного расширим, насколько позволяют рамки статьи. При этом из соображений экономии нормативно-онтологические теории мы будем называть нормативными (а их сторонников – нормативистами), эмпирико-аналитические теории – аналитическими (а их сторонников – эмпириками) и критико-диалектические теории – диалектическими (а их сторонников – диалектиками).

А. Познание.

1. Цель познания.

Если диалектические и аналитические теории имеют номологическую (от лат. *nomos* ‘закон’) цель познания, то нормативисты подчеркивают особое место и метод сугубо духовных наук. Этот метод называется идиографическим, ориентированным на сингулярные (разовые/отдельные) события, что не позволяет генерализировать (обобщать) человеческие действия или общественные состояния. По мнению нормативистов, генерализировать можно только фундаментальные, вневременные «ценности», на основании которых можно измерить «сущность человека» и «сущность государства». Из этих рефлексий над сущностями можно затем вывести практические указания (императивы) для практических действий лидеров и граждан в области политической жизни.

Напротив, эмпирическая социальная наука работает номотетически, или номологически. Она пытается по образцам естественных наук формулировать такие высказывания, которые обладают всеобщей значимостью, неограниченной во времени и пространстве. В области политической теории они разрабатывают конструкцию моделей, например политической системы, имеющей, как они полагают, всеобщий универсальный характер для всех политических систем стран мира. Такие теории называются всеобщими теориями политики или теориями «всеобщего радиуса действия». В рамках теорий так называемого «среднего» или «низшего радиуса действия» (например, исследования поведения избирателей или теория политических решений) выводится множество закономерностей и корреляций. Например, устанавливается, что высокий социальный статус избирателя положительно и сильно коррелирует с ориентацией и голосованием за «правые» (консервативные, буржуазные) партии. Это позволяет делать прогнозы и использовать их для стратегии избирательной борьбы.

Диалектические теории также являются номологическими, но они занимаются не вневременными и не внепространственными феноменами, а историческими законами,

по которым развивается социально-политическая действительность. Но даже самый строгий марксизм не утверждает, что он свои категории выводит сугубо из действительности, но берет их из выводимых из истории ценностей, таких, например, как равенство, свобода от эксплуатации и угнетения, зрелость и т. д. А эти ценности определяются «теорией научного социализма», который якобы соответствует объективному ходу истории. Такой исторический анализ превращается в перманентную критику общества, но не всегда, когда к власти приходит партия «научного социализма».

Один из ведущих белорусских политологов Н. А. Антанович указывает на критерии достоверности в политологии: логичность и рациональность, эмпирическая проверяемость утверждений, использование количественных данных, «выявление причинно-следственных связей на конкретном массиве эмпирических наблюдений и общезначимость (знание должно признаваться научным сообществом и не подменяться субъективно-оценочным мнением)» [11, с. 92]. Изучив плюралистическую методологию науки П. Фейерабенда, Н. А. Антанович делает выводы о ведущей роли теорий по отношению к эмпирии, о свободных интерпретациях, благодаря которым устанавливаются связи ощущений и слов языка, о связи между методами познания и способами конструирования социальной действительности [12, с. 123], что указывает на «связь между методом познания и способом конструирования социальной действительности» [12, с. 124].

2. Познавательный интерес (или интерес познания).

Эту категорию социальной науки ввел знаменитый немецкий философ Ю. Хабермас [13, с. 63]. Ученый вывел три разновидности интереса к научному познанию. Во-первых, технический интерес познания у ученого, стоящего на эмпирико-аналитических позициях. Он заинтересован в контролируемом расширении технически (технологически) оцениваемого знания. Его интересует «чистое исследование», «чистая наука». Во-вторых, практический интерес познания. Он присущ ученым, стоящим на нормативно-онтологических позициях и связан со стремлением к расширению знаний об основных нормах и ценностях и их практической реализации посредством «указаний к действию». В-третьих, эмансипаторский интерес, который свойственен ученым критико-диалектического направления. В рамках этого интереса ставится задача устранить отношения зависимости и господства между людьми с конечной целью устранения эксплуатации человека человеком.

3. Предмет познания.

Нормативисты имеют тенденцию к вытеснению реального предмета исследований – социального и политического поведения людей – в пользу рефлексии над смыслом и сущностью общества и человека. С этой целью решающее значение они придают истории политических идей и по существу «оккупировали» эту область знаний. За это их критикуют и эмпирики и диалектики, потому что, по их мнению, нормативисты уходят от собственного предмета – реального общества – сегодня, а историю используют для спекуляции.

Уйти от спекуляции, по мнению эмпириков, можно посредством ориентации (и редукции) науки на конкретно наблюдаемое, количественно измеряемое социальное поведение отдельных людей, групп людей, общества и государств. Именно таким образом эмпирическая наука о политике исследует детерминанты политического поведения и политических решений.

Диалектики выстраивают свою теорию на основе «тотальности» (или всеобщности) общественной действительности. Но при этом, не проявляя достаточной последовательности, стремятся использовать и теорию систем и эмпирические исследования, рожденные вне рамок диалектической теории.

Б. Статус теорий.**1. Логический статус.**

Нормативисты здесь не занимают единой позиции. Герменевтика (трактовка смысла) и феноменология (описание явлений), которые широко используются ими, делают ставку скорее на интуитивное понимание и смысл, чем на формальную логику. Широко используется топика (выделение и узнавание наиболее значимых явлений) и риторика (красноречие). Эмпирики делают акцент на формальную логику со всеми ее атрибутами. Эмпирические теории соотносятся со всеми законами логики: истинности, непротиворечивости, нетавтологичности (исключенности третьего). У них социальные теории понимаются как совокупность взаимосвязанных номологических гипотез для объяснения и предсказания явлений. У диалектиков же диалектика сама логически обоснована и в этом смысле приближается к эмпирическому направлению. Но при этом диалектики критикуют эмпириков за чрезмерное увлечение логикой.

2. Нормативный статус.

С точки зрения нормативного статуса нормативисты и диалектики весьма близки: они признают ценностную проблематику в процессе исследования, хотя и с разных сторон. Нормативисты выводят ценностную проблематику из онтологии, диалектики пытаются обосновать ценности как отражение исторических и материальных процессов.

Эмпирики отклоняют ценностную проблематику. Они полагают, что ценности нельзя логически обосновать как эмпирический факт. В 1960-е гг. они скорректировали свой подход, и его теперь можно выразить следующим образом: «как предмет обществоведческих высказываний ценности (позитивные и негативные оценки) являются непроблематичными. Как содержание высказываний они, напротив, контрверсны (противоречивы), как основа для выбора темы исследования ценности очевидны». Таким образом, с точки зрения норм и ценностей уступки делают все, к примеру, ценности идеологии могут быть исследованы в политической науке. Но спор идет о том, входят ли они в процесс исследования.

3. Социологический статус.

Сама ценностная проблематика уже представляет собой социологическую проблему. В самом же общем виде социологический статус науки связан с ее отношением к обществу. Это отношение в основных направлениях политологической науки проявляется по-разному. Нормативисты анализируют духовный и эмоциональный контекст науки и считают ее прямой основой «указания к действию» политиков и граждан. Эмпирики считают это спекуляцией, уходом от подлинного предназначения науки, призванной обеспечить описание, объяснение и прогноз социальной действительности. Эти функции, по их мнению, может выполнить только чистая, беспристрастная наука в виде научного сообщества, его институтов и специфических методов деятельности. Диалектики считают недостаточным и первое, и второе и социологический статус науки связывают с ее ролью в эмансипации (освобождении) людей труда.

В. Методика.

В отличие от пунктов А и Б здесь преобладают более имманентные (внутренне присущие) аспекты науки.

1. Деятельность ученого.

Нормативистская теория ищет свой исходный пункт в рефлексиях над «сущностью» и «нормами» «Политического» (слово «Политическое» введено в научный оборот К. Шмиттом в его труде «О природе Политического» в 1930 г. Здесь прилагательное «политическое» в родительном падеже используется как субстантивированное прилагательное, и поэтому мы пишем его с большой буквы). По мнению Шмитта, «Политическое» должно определить природу феномена политики по аналогии с тем, как, например, категория прекрасного определяет природу эстетики. Оно спрашивает о сущности

и нормах понятий господства, справедливости, мира, свободы, дружбы. В сфере «внутренней политики» эти рефлексии превращаются в конкретные представления о желательных с точки зрения ценностей формах политического порядка и политических институтов. Деятельность по осмыслению политических решений и определяет деятельность политологов, что составляет основной шанс науки о политике быть полезной обществу и науке.

Эмпирики называют это спекуляцией. Они полагают, что только на базе эмпирического знания можно описывать, объяснять и предсказывать политические процессы.

Критико-диалектическая школа хочет превзойти и тех и других. Подобно эмпирикам она говорит о смысловых отношениях в социальных действиях, которые заложены в чисто эмпирическом исследовании. Как и нормативисты, они ищут смысл, но только не в порядке бытия, а выводят его из исторического развития реальных общественных интересов.

2. Виды анализа (подходы).

Под этим понимаются методические приемы, которые настраивают исследовательскую деятельность на определенные цели. Поэтому вид анализа прямо связан с теоретическим подходом.

Нормативистская наука предпочитает историко-генетический анализ государства, форм государства и политических институтов. Она тесно связана с исторической наукой, теорией государства и права.

Диалектики тоже используют историко-генетический анализ, но в связи с политической экономией, используя при этом и эмпирию.

Эмпирики – за строгий, генерализованный подход. Но в рамках этого подхода есть немаловажные отличия. На строгом эмпиризме основывается бихевиоризм (исследование поведения), который возник под влиянием эмпирической психологии. Он пытается объяснить и предсказать всеобщие детерминанты индивидуального политического поведения на основе количественного анализа наблюдаемых психологических и социальных факторов. Против этого квалифицированного как слишком редуccionистский подход выступил функциональный подход. Он делает акцент на общественные связи в политических и социальных структурах и процессах общества. В нем отражаются взгляды старых органистических теорий, только на место организма заступает концепция «системы», части, или подсистемы, которой исследуются под углом зрения их функций как друг для друга, так и для целого. Этим способом атоминизирования социального поведения бихевиоризм преодолевается, но часто лишь за счет абстрактного «модельного» платонизма или же выделения только функции «стабилизации системы». Хотя системный подход развивает понятия интенсивнее всех иных подходов.

3. Способ переработки данных.

Здесь речь идет о превращении собранных данных о реальности в научное знание.

Логический эмпиризм эмпирико-аналитического направления описывает программу научного исследования в следующей последовательности: протокольные предположения о наблюдаемом объекте – образование гипотез – операционализация (доведение до уровня измеряемости) понятий и гипотез – образование теорий и выведение законов на основе как индуктивного, так и дедуктивного вариантов. Здесь есть сильные и слабые варианты.

Диалектическая теория применяет, наряду с историческим и диалектическим материализмом, в качестве метода и герменевтику, используемую как искусство понимания и трактовки смысла. Эту герменевтику очень широко используют нормативисты, но добавляют к ней феноменологию и топику. Феноменология (учение о явлениях) расценивается и как философская система и как метод. Акцент здесь ставится на интуицию, призывающую «вглядеться в сущность», которая заложена внутри предмета.

Поэтому нормативисты так часто говорят о сущности политики, демократии, репрезентации и т. д. Строгая научная каузальность уступает место практической пригодности и разумности. У нормативистов это означает: исходить из господствующих представлений людей, обращаться к здравому смыслу человека, учитывать, что все люди хотят быть признанными.

4. Техника исследований.

У нормативистов особой техники, которая выходит за рамки герменевтического понимания и топической аргументации, нет. Они пользуются определенными правилами критики источников и обращения с текстами, которые заимствуют у филологов.

Инструментарий и техника исследований разработаны в русле эмпирико-аналитического направления. Речь идет о методах как количественного, так и качественного анализа, конкретизируемых по этапам сбора данных, оценивания данных, переработки данных и вывода результатов, в том числе в рамках прикладных методик политического анализа, как например в статьях Е. М. Ильиной [14; 15]. Диалектическое направление, практически не внося ничего нового в технику исследования, весьма широко использует самые разные методы, разработанные другими научными направлениями. И здесь вновь встает вопрос о рисках при культурном трансфере в области науки о политике. Сегодня транс-феры в социальных науках, в том числе политической, по мнению Д. В. Белявцевой, элиминируются через расширение их проблемного поля и методологические заимствования [16; 17].

Заключение

Данная работа может сыграть дидактическую роль в более эффективном восприятии изучающими политологию студентами, магистрантами и аспирантами концепции «политологического треугольника». Этот несколько более развернутый анализ политологического «триаса» будет нам полезен и при анализе следующего, третьего измерения политики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ермолицкий, М. А. Политология : учеб.-метод. комплекс для студентов и преподавателей высш. учеб. заведений / М. А. Ермолицкий. – Минск : Технопринт, 2002. – 461 с.
2. Rohe, K. Politik. Begriffe und Wirklichkeiten. Eine Einführung in das politische Denken / K. Rohe. – Stuttgart ; Berlin ; Köln : Kohlhammer, 1994. – 194 s.
3. Schmidt, M. G. Policy-Forschung in der Bundesrepublik Deutschland. Ihr Selbstverständnis und ihr Verhältnis zu den Grundfragen der Politikwissenschaft / M. G. Schmidt. – Opladen, 1985. – 335 s.
4. Frantz, C. Einführung in die Politikwissenschaft / C. Frantz, K. Schubert. – Berlin ; Münster, 2010. – 400 s.
5. Matz, U. Bemerkungen zur Lage der deutschen Politikwissenschaft / U. Matz // Zeitschrift fuer Politik. – 1985. – № 1. – S. 3–41.
6. Groessler, A. Policies, Politics and Polity. Comment on the Paper by Bianchi / A. Groessler // System Research Behavioral Science. – 2010. – № 4. – P. 385.
7. Dummeth, M. Origin of Analytical Philosophy / M. Dummeth. – Cambridge Mass, 1993. – 212 p.
8. Pospisil, J. Konzepte in der Politikwissenschaft / J. Pospisil, K. Glosel. – Universität Wien, 2013. – 231 p.
9. Щербин, В. К. Социологическая концептология: проблемы и перспективы развития / В. К. Щербин // Социология. – 2011. – № 2. – С. 18–42.

10. Lexikon der Politikwissenschaft : Theorien, Methoden, Begriffe / hrsg. von D. Nohlen und R.-O. Schutze. – München : Beck, 2005. – 592 s.
11. Антанович, Н. А. Стандарты качества научного исследования по политическим наукам / Н. А. Антанович // Хабаршы вестник. Вестн. КазНПУ. Сер. Социол. и полит. науки. – 2017. – № 61. – С. 89–93.
12. Антанович, Н. А. Актуальность концепции «эпистемологического анархизма» Пола Фейерабенда для современных политических исследований / Н. А. Антанович // Весн. Гродз. дзярж. ун-та. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2013. – № 3. – С. 119–124.
13. Habermas, J. Technik und Wissenschaft als Ideologie / J. Habermas. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1968. – 184 s.
14. Ильина, Е. М. Теоретико-методические основы политического процесса в условиях перехода Республики Беларусь к информационному обществу / Е. М. Ильина // Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. Филос.-гуманитар. науки : сб. науч. ст. : в 2 ч. / ; под ред. В. Ф. Беркова. – Минск : РИВШ, 2010. – Вып. 9 (14), ч. 1. – С. 101–109.
15. Ильина, Е. М. Особенности прикладного анализа в управленческом цикле современного политического процесса Республики Беларусь / М. В. Ильин, Е. М. Ильина // Науч. тр. РИВШ. Филос.-гуманитар. науки. – Минск, 2013. – Вып. 12. – С. 71–80.
16. Белявцева, Д. В. Институализация региональных политических исследований на постсоветском пространстве / Д. В. Белявцева // Науч. тр. РИВШ. – Минск : Изд-во РИВШ, 2017. – С. 20–32.
17. Белявцева, Д. В. Региональные интеграционные процессы в евразийском пространстве: теоретико-методологические подходы к анализу / Д. В. Белявцева // Науч. тр. Белорус. гос. экон. ун-та. – 2019. – Вып. 12. – С. 596–600.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 17.02.2020

Brovka G. M., Reshetnikov S. V., Ermolitsky M. A. About the Concept of Politological Triangle

The article is devoted to modern approaches to the interpretation of the term «politics» in various languages and philosophical schools. The article highlights that all available approaches to the definition of a political triad should be classified using criteria such as cognition (the purpose of cognition, the interest of cognition, the subject of cognition), status (logical, normative, sociological) and methodology (the activities of a scientist, types of analysis (approaches), data processing method, research technique). The authors come to the conclusion that all the theories considered in the article have their own characteristics, for example, dialecticians build their theory on the basis of the «totality» (or universality) of social reality, and normativists tend to supplant the real subject of research. However, the study of each of them allows you to determine the essence of the political «triassic», which is used in the analysis of the third dimension of politics.